

Критике подвергается признание смарт-контракта некоей электронной формой договора, что, по словам Екатерины Смирновой, не соответствует его технической сути и вступает в противоречие с существующим регулированием договорных обязательств.

Основная проблема в предлагаемой схеме регулирования рынка криптовалют заключается в том, что совершенно не учитывается специфика технологий, которые предлагается регулировать.

«Технология блокчейна, на основе которой построены все существующие продукты на рынке криптовалют, отличается несколькими важными аспектами: децентрализацией, экстерриториальностью и используемой криптографией, которая защищает систему от внесения изменений неуполномоченными лицами. То есть любые третьи лица, включая государство, лишены технической возможности влиять на движение криптовалют либо давать какие-либо обязательные указания владельцам криптовалюты»,— поясняет эксперт.

Екатерина Смирнова считает, что единственный аспект в технологии криптовалюты, на который может и должно влиять государство,— это процесс обмена реальных денежных средств на криптовалюту (в том числе и в ходе ICO), а также обратный обмен криптовалютой на реальные денежные средства.

Дмитрий Корнилов, академик РАЕН, предлагает упростить законотворцам задачу и ввести налогообложение криптобирж и «обменников», создать для них благоприятные условия и экономические зоны (в том числе в дотационных регионах). «Чем раньше государство легализует крипторынок, определит условия его функционирования, тем быстрее российская экономика получит новый источник получения доходов. Полный запрет приведет лишь к уходу крипторынка в тень»,— уверяет господин Корнилов.

Мария Андрианова, руководитель юридического департамента финтех-компании DeHedge, считает, что если следовать логике пакета отечественных законопроектов по криптоиндустрии, то основная задача государства сейчас — понять и максимально быстро закрепить в законодательстве эффективный метод заработка на новой сфере бизнеса и контроль за ее развитием.

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ Сейчас в мире существует три основных подхода к регулированию рынка криптовалют. Первый предполагает отсутствие какого-либо контроля. Такой подход существует в Бразилии, Гонконге, а до апреля 2018 года существовал в Евросоюзе. «При этом государственные органы информируют граждан и организации о риске того, что криптовалюты могут использоваться в целях легализации денежных средств, полученных преступным путем и финансирования терроризма, а также о том, что в силу высокой волатильности криптовалют и отсутствия регулирования, возникают высокие риски потери вложенных денежных средств»,— говорит Екатерина Смирнова.

Второй подход заключается в запрете на использование криптовалют и проведение ICO. Подобный запрет принят в Китае, Южной Корее, Вьетнаме, Египте, Исландии. При этом граждане и организации данных стран активно участвуют на рынке криптовалют в других юрисдикциях,

пользуясь тем, что многие криптовалюты могут использоваться анонимно. Третий подход подразумевает введение частичного регулирования рынка криптовалют. «Как правило, вводится требование о лицензировании обменных площадок, идентификации лиц, осуществляющих покупку криптовалюты либо продажу криптовалюты за реальные деньги. В отношении ICO принимается решение о распространении на него регулирования для финансовых инструментов (которое подразумевает, в частности, идентификацию участников, обязательное раскрытие эмитентом сведений о рисках)»,— отмечает госпожа Смирнова. Этот подход применяется в США, Австралии, ОАЭ, Швейцарии, Канаде, Японии и в других странах. Частично данное регулирование применяется в Европейском союзе и Белоруссии.

В целях налогообложения ряд стран законодательно закрепил определение криптовалют. «В США они рассматриваются как имущество, в Швейцарии как валюта, в Японии и Канаде как товар, в Великобритании как активы, в то время как Нидерланды предложили их определение в качестве „продуктов бартера“. В соответствии с этими определениями и будет выстраиваться налогообложение в этих странах. Во многих юрисдикциях НДС на операции с криптовалютами не распространяется»,— рассказывает Ольга Прохорова.

НАМАЙНИТЬ ПЕРСПЕКТИВЫ По прогнозам Леонида Делицына, после того, как в России начнет действовать закон о цифровых активах, сформируются рейтинги ICO и их начнут продвигать в том числе и традиционные финансовые организации, которые пока ждут закона. В результате рынок быстро вырастет в 2–4 раза.

Но есть и обратная сторона медали. Легализация будет означать, что государство начинает отвечать за рынок криптовалют, защищать криптобизнес, суды должны будут принимать иски, жалобы обманутых вкладчиков (например, вложившихся в ICO), разрешать тяжбы между участниками хозяйственных споров.

«Безусловно, от легализации выиграют биржи, банки, финансовые организации — они смогут зарабатывать на новом рынке. Но ведь и государство должно ясно понять, что оно получит с этого праздничного стола, кроме дополнительных расходов и головной боли»,— рассуждает господин Делицын.— Среди звучавших идей — развитие телемедицины, привлечение инвестиций в дотационные регионы и другие высокорисковые проекты, которые вряд ли окупятся в самые ближайшие годы». Беда в том, что пока нет громких историй успеха, за которыми можно было бы с уверенностью следовать».

Анна Кокорева полагает, что рынок криптовалют в долгосрочной перспективе может составить серьезную конкуренцию фиатным деньгам. «Система проведения транзакций на базе блокчейна может дискредитировать деятельность SWIFT, VISA и MasterCard. Это вряд ли понравится международным финансовым институтам и правительствам разных стран, поэтому еще длительное время рынок криптовалют будет испытывать давление»,— резюмирует госпожа Кокорева. Однако те, кто первым возьмет на вооружение криптовалюту в масштабах государства, в долгосрочной перспективе могут выиграть. ■

ПЕНСИОНЕРАМ И МИГРАНТАМ ПОДНИМУТ ПЛАНКУ

ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ В СТРАНЕ УХУДШАЕТСЯ, КОЛИЧЕСТВО ТРУДОСПОСОБНОГО КОРЕННОГО НАСЕЛЕНИЯ СОКРАЩАЕТСЯ, А ПОКАЗАТЕЛИ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ЭМИГРАЦИИ РАСТУТ. НА ЭТОМ ФОНЕ УЧАСТНИКИ РЫНКА ОЖИДАЮТ ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫХ ИНИЦИАТИВ, СВЯЗАННЫХ С ПОВЫШЕНИЕМ ПЕНСИОННОГО ВОЗРАСТА, И РЕШЕНИЙ, НАПРАВЛЕННЫХ НА СОКРАЩЕНИЕ ЭМИГРАЦИИ И ПРИВЛЕЧЕНИЕ В СТРАНУ КВАЛИФИЦИРОВАННЫХ ЭКСПАТОВ.

АЛЕНА ШЕРЕМЕТЬЕВА

По данным Росстата, в 2015 году доля лиц старше пенсионного возраста составила 24,56%, а к 2030 году она возрастет до 28%. По среднему варианту прогноза Росстата, с 2017 по 2030 год убыль трудоспособного российского населения составит 4 млн человек, а за период с 2010 по 2030 год — 9 млн человек, говорится в исследовании «Повышение пенсионного возраста: позитивные эффекты и вероятные риски», проведенном РАНХиГС.

ДОЖИТЬ ДО ПЕНСИИ О необходимости повышения пенсионного возраста уже несколько лет активно говорят с самых высоких трибун. Так, в апреле премьер-министр России Дмитрий Медведев сказал, что правительство готово обсуждать вопрос повышения пенсионного возраста на законодательном уровне. А это означает, что вопрос скоро будет решен. Выборы прошли, настала пора принимать непопулярные решения. Эксперты говорят, что повысить пенсионный возраст, скорее всего, будут постепенно и данная мера в большей степени будет касаться женщин, так как демографический потенциал повышения пенсионного возраста для мужчин крайне ограничен.

«При пенсионном возрасте в 60 лет ожидаемая продолжительность жизни мужчины на пенсии составляет около 16 лет, а вероятность дожития 20-летних мужчин до 60 лет — 68%. Это одни из самых низких показателей среди стран с развитой системой обязательного пенсионного страхования. При повышении пенсионного возраста до 63 лет оба этих показателя становятся наихудшими в данной группе стран»,— говорится в исследовании РАНХиГС.

В то же время имеется определенный демографический потенциал повышения пенсионного возраста в отношении женщин. Так, согласно данным исследования РАНХиГС, при пенсионном возрасте 55 лет ожидаемая продолжительность жизни на пенсии составляет около 26 лет, а вероятность дожития 20-летних женщин до 55 лет — 92%. И это одни из самых высоких показателей среди стран с разви-

той системой обязательного пенсионного страхования. При повышении пенсионного возраста до 60 лет показатели России будут на среднем уровне среди представленных стран, до 63 лет — станут практически наихудшими.

Евгений Гонтмахер, член Комитета гражданских инициатив, обращает внимание на то, что при повышении пенсионного возраста необходимо учитывать российскую специфику — «сверхсмертность» мужчин среднего возраста. «По данным Всемирного Банка, среди европейских стран в России фиксируется наиболее высокий показатель смертности: 43% мужского населения не доживает до 65 лет»,— констатирует эксперт.

По словам Рубена Карапетяна, доцента кафедры экономической социологии СПбГУ, проблема повышения пенсионного возраста имеет смысл, если не говорить о людях, а рассматривать только человеческий ресурс. «Прежде всего, каждый человек живет отведенное ему время, здесь равенства быть не может. Соответственно, некорректен (по крайней мере, с гуманистических позиций) обобщающий для каждого показатель средней продолжительности жизни. Еще один аспект — это качество жизни, как рабочей так и пенсионной. Известно, что разнообразие жизни (путешествия, общение, доступность общественных благ) способствует ее продлению. А интенсивность труда, его неблагоприятные условия укорачивают жизнь»,— рассказывает господин Карапетян.— Это должны учесть отечественные экономисты и политики. Когда они поднимут качество жизни россиян до уровня стран Западной Европы (скажем, Швейцарии), тогда это будет неоспоримым аргументом в пользу повышения пенсионного возраста».

Часть экспертов скептически настроена и считает, что время для таких масштабных реформ еще не пришло. Но думы о бюджете и ситуации на рынке труда заставляют других экспертов смотреть на данную проблему под иным углом. → 68